

Фрагменты
случайных встреч

ПАЛЬМИРА КЕРЛИС

Пальмира Керлис

Фрагменты случайных встреч (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38573642
SelfPub;

Аннотация

Одни следят за звездами и читают по рукам, другие слишком много играют в эльфиек, третьи шутят со смертью, не убедившись, что окно закрыто. На некоторые вопросы лучше не получать ответы. Пустота обретет форму, многое исполнится, даже то, что желать было нельзя. Встретится всякое – тайная дверь, Красная Шапочка, одно пророчество на двоих и одно проклятие на всех. Все совпадения подстроены.

Содержание

Фейки	4
Дикие вещи	12
Для неё	27
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пальмира Керлис

Фрагменты

случайных встреч

Сборник

Фейки

Нелька задёрнула пыльную занавеску. Комнатка в дачном домике погрузилась в таинственный полумрак.

– А ты точно знаешь, что делать? – засомневалась я, и почти выронила свечи из пакета.

– Конечно! – Подруга отобрала у меня пакет и критически изучила его содержимое. – Я же просила принести нормальное блюдо. А не какую-то дрянь из Икеи.

– Ну уж что было! – обиделась я.

Тоже мне! Нагрузила достать «самое необходимое», и на-те вам – претензии. Она-то явно не перенапряглась. Подумаешь, стащила у предков ключи от пустующей бабушкиной дачи. Велика заслуга.

– Ничего поручить нельзя, – буркнула Нелька и вытащила из пакета блюдо. Лежавшая под ним бутылка минералки выкатилась на пол. – Ты что, издеваешься?

– Почему? Ты же просила воды. Это разве не вода?

– Позорище какое, блин! – запричитала она. – Ладно, приступим.

Нелька поставила блюдце на облезлую табуретку и подняла бутылку с пола. Вид у подруги был такой, будто она сейчас лопнет от важности. Я тогда непременно лопну от смеха, и мы окажемся в расчете.

– Что дальше будем делать? – скромно поинтересовалась я, глядя, как подруга наполняет блюдце.

– Будем призывать нечисть!

– Это я поняла. А как именно?

– Свечи зажжём, добавим в блюдце с водой ложку меда, три капли крови туда капнем, и я заклинание произнесу.

– Чьей крови?

– Твоей, конечно. Или я вообще всё делать должна?

Пришлось подавить желание вlepить ей затрещину.

Я молча расставила вокруг блюдца свечи, зажгла их против часовой стрелки и посмотрела на Нельку. Та старательно мешала в пузырящейся воде мёд, который никак не хотел растворяться.

– Могла бы и без газа минералку взять! – скривилась подруга, размазывая пчелиные дары по дну. – Ладно, сойдёт. Кровищу в студию!

– Я читала, что это в двенадцать ночи делать надо. И на кладбище, а совсем не на даче посреди дня.

– Без разницы. Главное, Хэллоуин сейчас. Нечисть лезет

из всех щелей – только лови. Я лучше знаю.

– Откуда? В интернете вычитала?

– Не спорь! – рявкнула Нелька, окончательно утвердив мои подозрения. Точно, в интернете. На каком-нибудь дурацком форуме. – Уже струсил?

Я презрительно фыркнула. Нет, не струсил. Вот ещё!

– Чем резать-то?

– Резать... – передразнила подруга. – Маньячка. Иголку возьми. Где-то тут корзинка должна быть, с крышечкой, бабкина, родичи пока не все вещи вывезли.

Я нашла корзинку в шкафу, рядом с целой коллекцией слежавшихся антисанитарных букетиков и принялась в ней рыться, надеясь найти допотопный игольник или спицу. Нелькина бабушка была той ещё рукодельницей. Вечно что-то шила, вязала, а в свободное время пекла пирожки и сушила эти самые букетики. Старушка выглядела милой, но я её побаивалась. Сама не знала почему.

Среди бесполезного хлама я нашла старинную булавку. Наверное, раньше такими прикалывали шляпы. Изящная вещь, что и говорить – даже залюбовалась.

– Заснула, что ли?! – прикрикнула подруга.

Я занесла над блюдцем раскрытую ладонь и резко уколола палец булавкой. Малюсенькая тёмная капля крови плюхнулась в воду.

– Три надо, – напомнила Нелька.

Колоть ещё раз не хотелось. Я вздохнула и с силой сжала

ноющий палец. С горем пополам получилось выжать недостающие капли.

– Отлично, – хищно улыбнулась Нелька. – Теперь молчи. Я буду заклинать.

– Давай-давай, – хихикнула я.

Шоу собственной кровью оплачено. Грех не поржать. Не зря же школу прогуляли.

– Зум Зор Знаб! Повелеваю тебе, приди! – грозно выдала подруга.

Я хихикнула громче:

– Это что, заклинание? Могла бы нагуглить и попримичнее...

Договорить не успела. Нас озарило яркой вспышкой, в комнату ворвались блестящие мыльные пузыри. Из них вылупились пёстрые бабочки и проворно захлопали крыльями перед нашими лицами. С потолка посыпались блёстки, а в центре комнаты взорвалось мыльное облачко. Ничего себе заклинаньице!

– Что за фигня? – недовольно спросила Нелька, внимательно разглядывая полную женщину в цветастом балахоне. В руках она держала сверкающую розовую палочку со звездой на конце.

– Приветствую вас, юные волшебницы! – нараспев произнесла тётка.

– Офигеть, – только и смогла выдать я.

– Я добрая фея! – восторженно объявила она.

– Ты же обещала нечисть. – Я ткнула Нельку в бок. – А это что за хрень?

– Столько лет меня никто не призывал, – сладко залепетала та, что представилась феей. – И теперь я исполню любые ваши желания!

Жаловаться сразу расхотелось.

– Она разве джинн? – шепнула я Нельке.

– Да какая разница? – отмахнулась та. – Берем, раз предлагают.

– Мы хотим много друзей, – задумчиво протянула я.

– Без проблем! – воскликнула фея. – Добрых, отзывчивых, чтобы звали в гости и кормили вкусненьким?

– Не-е-е, – промычала Нелька. – Хотим много друзей во «ВКонтакте». В фейсбуке, и твиттере. Чтобы фоточки комментировали.

– И статусы плюсовали, – добавила я.

– Ничего не понимаю... – Фея озадаченно захлопала ресницами. – Может таких друзей, чтобы в беде выручали?

– Таких, чтобы популярность поднимали, – уточнила подруга.

– Так... ладно... – смутилась обладательница волшебной палочки. – Вы хотите что-нибудь... кроме этого?

– Любви хотим, – сказала я после недолгих раздумий.

– Большой и чистой, – кивнула Нелька.

– Милого мальчика? – подмигнула фея.

– Нет, хотим вампира. Стильного, – беззастенчиво заяви-

ла я.

– Простите, что? – округлила глаза исполнительница желаний.

– Ну, красивого такого, романтического.

– Вы что-то путаете, – замялась она. – Вампиры злые бездушные создания, и они вовсе не любви хотят от школьниц.

– Мы точно знаем, что хотят, – возразила я. – И пусть у него будет большая машина.

– Серебристая, – поддакнула Нелька.

– Девочки, ну это же противоестественно. Вы понимаете, что он мёртвый?

– Он бессмертный, – не согласилась я.

– Нет, он просто труп! – в голосе феи послышались истерические нотки.

– Короче, хотим вампира, – топнула ногой Нелька.

– Девочки, – хрустальным голоском прожурчала фея, – вам сегодня очень повезло. У меня есть для вас замечательный принц...

– Не-е-е, – хором запротестовали мы, а я пояснила: – Какой ещё принц? Это не модно. Засмеют. Хотим вампира, и точка.

– Извините, – развела руками фея. – Вампиров никак нельзя. Правилами не положено.

– Тогда оборотня хотим, – сообщила Нелька.

– Что?!

– Оборотня хотим, очень, – повторила она. – Накачанного

такого, чтобы без маечки ходил.

– То есть вам нужен парень, который обязательно вас сожрёт?

– Почему сожрёт? – недоумённо переглянулись мы с Нелькой.

– Давайте рассмотрим другие варианты. – Фея удручённо потопталась на месте. – Например, вы будете получать только хорошие оценки в школе!

– Не, нафиг не надо, – высказалась я.

– Родители всегда будут вами довольны!

– Лажа какая-то, – авторитетно изрекла Нелька. – Лучше сделай так, чтобы у нас торренты мгновенно скачивались.

Фея бессильно простонала:

– Может, богатства пожелаете?

– Точно! – просияла я. – Хотим бесконечный кошелек вебмани! И симку безлимитную на мобильном.

Волшебница пошла зелеными пятнами, но в следующий момент побагровела от злости и угрожающе подняла палочку вверх. Схватила её второй рукой за остриё и с размаху саданула о колено. Палочка хрустнула и разлетелась в пыль.

– Всё, с меня хватит! – рявкнула фея. – Я увольняюсь!..

Сотни мыльных пузырей взмыли ввысь, слившись в перламутровую воронку. Она яростно покрутилась, вспыхнула розовым и исчезла вместе с бабочками. Мы с Нелькой остались стоять одни посреди пыльной тёмной комнаты.

– А желания? – обиженно проскулила подруга.

– Этот твой Хэллоуин – отстой и пафос, – фыркнула я. – А заклинание! Надо же было выдумать: «Зум Зага Зуб»! Фу!

Тут сверху донёлся звук удара, затем шаги. С потолка посыпалась штукатурка, домик заскрипел так, будто на крышу дачки приземлилось что-то крупное, тяжёлое, с когтями...

Дикие вещи

Правила игры были просты и известны мне с детства. Надень красное. Явись на место. Жди знака. Я решила не медлить.

Длинный подземный переход, как всегда, был почти не освещён. Вдали одиноко мигала вывеска цветочного киоска, будто маяк. Спасение? Ха... Не поверила ни на секунду. Взрослею, наверное. Хотя с виду не скажешь: нелепый красный плащ с капюшоном, в руках – корзинка, на голове – алый ободок с бантом. Люди оглядывались, а черноволосый коротышка в жёлтых очках даже сфотографировал на телефон, прошептав непонятное слово «косплей». Надеюсь, не ругательство.

У выхода из перехода, прямо на лестнице, стояла низенькая пухлая девочка в плотно застегнутой куртке и раздавала листовки. От неё несло дешёвыми духами и жареной картошкой, собакой, а ещё живой и сочной плотью, манящей и очень аппетитной...

– Стой! – Девочка схватила меня за рукав и проворно сунула листовку. – Это твоё.

Яркий заголовок вопил: «Иди. Беги. Спеш!».

Внизу мелким шрифтом: «Понадобится ещё больше печенья».

Я улыбнулась девочке, отогнала кровожадные мысли и вышла в город.

К несчастью, есть вещи более навязчивые, чем мысли. Это запахи. Тысячи запахов вокруг. Неуловимых, скользящих. От них нельзя избавиться или спрятаться. Они издеваются, зовут. Будят во мне что-то страшное, ненасытное. Или просто выдают чужие секреты, как сегодня утром, у мамы. У неё на работе пахло обыкновенно – смесью из тягостного ожидания, плохих новостей и дезинфицирующего раствора. Я пыталась сосредоточиться, но в этой унылой медлаборатории даже взгляду было не за что зацепиться. Разве что за тень, ползущую со стены на потолок.

– Догадываешься, зачем ты здесь? – важно спросила мама и откинулась на спинку белого кресла.

– Немного. – Я поёрзала на жестком стуле, чувствуя себя беззащитной девочкой, которой злая тетя сейчас уколёт пальчик. Правда, на этот раз парой капель крови не отделаться. – Кто-то опять откусил больше, чем мог проглотить?

– Не дерзи, – процедила она.

– Ты меня куда-то отправляешь?

– В Ревт.

В воздухе разлился давящий липкий душок. Вот и он: страх, собственной персоной. Я учуяла его раньше, чем поняла, что испугалась. Похоже, мама не шутит. Нет, таким тоном определённо не шутят. Таким тоном требуют принадлежщее по праву.

– А надо? Может, кто-нибудь другой?

Голос мой звучал неуверенно. Ужасно хотелось по-щеня-

чь поджечь хвост, забиться под стол и сделать вид, что меня тут нет. Так уж вышло: я – лишний ребенок в семье. Первый, неудачный, нежеланный. Что бы я ни делала, маминой любви была недостойна. Поэтому удивилась её приглашению и приехала сразу.

– Пойдёшь ты, – категорично заявила мама. – Я решила, и точка.

– Почему именно я?

– Ты должна мне.

– Свою жизнь?

– Не драматизируй, тебе не идет.

Повеяло безысходностью. Наверное, так пахнут чернила, которыми подписывают смертные приговоры. Кропотливо выводят букровку за букровкой. Ровно в ряд, бочок к бочку. И ставят точку.

Я опустила глаза и уставилась на мамин стол. Раньше я любила рассматривать все эти бланки и пробирки, с наклейками на боках и разноцветными крышечками. Красные, желтые, фиолетовые – они казались мозаикой, выложенной скучными полосками. Хотелось поменять пробирки местами, выставить каким-нибудь занятным узором, а мама била меня по рукам и велела сидеть тихо.

Конечно, если кем и жертвовать, то мной. Без вариантов. Не вернусь – не жалко. Но, быть может, я смогу? Вдруг справлюсь? Докажу маме, что я не просто фон с семейных фотографий, пятно на безупречной репутации, ошибка мо-

лодости. И возможно тогда она наконец-то...

– Что нужно делать?

Мама, не без моей помощи, извлекла из недр шкафа круглую наглухо закрытую корзинку из лозы. И проинструктировала:

– Крайняя улица, называется Полевая. Это в лесу, за речкой. Найдёшь домик на опушке. Передашь бабушке. Ей сейчас не очень хорошо.

– Что её так мучает? – поинтересовалась я.

– Голод.

Бабушку я не видела с детства. Давным-давно, она переехала от нас в Ревт со всем имуществом – с тех пор ни слова. На Новый год и то не звонит.

– А там что? – Я кивнула на корзинку, благоухающую свежей выпечкой. – Неужели пирожки?

– Лучше тебе не знать, – серьёзно ответила мама.

– А что мне нужно знать?

– Держись дороги, там безопаснее.

Мама даже обняла меня на прощанье. Правда, вяло, почти безразлично. Так не прощаются с теми, кого надеются ещё раз увидеть.

И я оказалась здесь. Переход вывел к торговым палаткам: газеты, бижутерия, одежда, сумки... О, кондитерская! Десятки сладких существ уставились на меня с тарелок и подносов. В заляпанном стекле мелькнуло моё отражение.

Я шагнула в портал, растворяясь в гостеприимной витри-

не. Подул ветер. Сильный и терпкий, с ароматом корицы и ванили. Печенье вздрогнуло, расступилось, кексы вжались в угол. Лампочки неприветливо мигнули, затрещали и погасли.

Вокруг меня был колючий воздух, пропитанный опасностью. Под ногами поле. Тёмное и топкое – спутанная узлами осклизлая трава. Вместо неба – туго натянутый мрак.

У самого лица пролетела белая бабочка. Крылья её напоминали лезвия и выглядели угрожающе. Я спешно пригнулась. В траве мелькнул крошечный огонёк, за считанные секунды он превратился в воронку, внутри которой что-то отчаянно визжало и скреблось. Я прислушалась к запахам и понеслась к еле заметной дороге. Гравий под ногами скрипел и хрустел пронзительно, поросшая всякой цепучей дрянью дорожка петляла между вросших в землю валунов. На один из них вскарабкалась маленькая крыса.

– Как зовут тебя, мышка? – спросила я, не очень и надеясь на ответ.

– Зехе, – неожиданным басом ответило существо. – Я могу быть по-настоящему опасен, хочешь проверить? Подойди!

Я собралась подойти, даже камень с земли подняла, но тут из туч спикировала бабочка – не успела я и ахнуть, как насекомое оторвало крысе голову, проревело «Чмоке!» и скрылось. Да, это Ревт, тут творятся дикие вещи!.. Знать бы, где эта опушка...

Слева метнулась тень, обернувшись расплывчатым силуэтом. Я попятилась и на всякий случай кинула в него камень, силуэт оформился в фигуру огромного волка. Камень рассыпался.

– Куда ходим? Чего ищем?

Волчара спрыгнул с валуна и преградил мне путь.

– Бабушку, – призналась я, ощутив запах хищника. – Она живёт в лесу, улица Полевая, домик на опушке. Знаешь, как её найти?

– Знаю, – ощерился волк, заинтересованно взглянув на корзинку. – Сильно ты хочешь к ней попасть?

– У всего своя цена, я правильно понимаю?

– Бери оптом, – усмехнулся он, – так дешевле.

– Остряк, – восхитилась я.

– Иди по дороге до реки. На другой стороне увидишь домик.

Я благодарно кивнула. Волк исчез, лишь клочки шерсти на мгновение зависли в воздухе.

Скучать по пути не пришлось. Небо расцвело цветочками ядовитого зелёного цвета, злобно зашелестело и свернулось в рулон. Над головой стало пусто, словно пространство сбегало в никуда. Валуны со свистом провалились сквозь землю, оставив после себя впадины, зияющие той же шелестящей пустотой. Я шагала всё осторожнее, боясь оступиться и сойти с дороги. По поляне промчался здоровенный щетинистый кабан, из-под его копыт летели во все стороны комья

земли. Из зарослей вынырнули огненные щупальца. Настигнув зверя, они обвили его кольцами и утащили в свою воронку. Оттуда донёлся визг и жадное хлюпанье. Испугаться я не успела, дорожка как раз упёрлась в обещанную реку. Правда, назвать этот тонкий ручеёк рекой не поворачивался язык. От него валили клубы едкого пара, на другой стороне виднелся дом. Маленький, деревянный, когда-то белый домишко, стоял на многочисленных сваях. Видимо, раньше эта Вонь-река превращалась в Смрадозеро. На крыше домика росла рябинка, ставни висели на соплях, дверь покосилась, однако в оконцах горел свет.

Я перепрыгнула через злобно булькающий ручей и ринулась к дому на немыслимой скорости, но никто не собирался на меня нападать. Будто даже неведомые твари обходили это место стороной. Вблизи дом был ещё более хлипким. Много чего сгнило, остальное проржавело, а лесенка у двери, казалось, не выдержит и такое худосочное тельце, как моё.

Всё же я вскарабкалась. Скрипнула дверью. Вошла в тесную прихожую и отдышалась.

– Кто там? – хрипло спросили из комнаты.

Занавеска в проходе тихонько колыхнулась.

– Бабушка? – с сомнением перепросила я. – У меня для тебя подарок.

– Оставь в прихожей. Спасибо. Можешь уходить.

Я протянула руку с корзинкой к тумбочке и замерла. Что-то здесь было не так. Запах. Конечно.

– Быстро добрался, – я прижала корзинку к себе.

– Срезал слегка, – ответил волк, отодвинув лапой занавеску. – Как ты меня узнала?

– Где бабушка?

– Ты не такая, как они. Почему пришла сюда?

– Должна кое-кому.

– В столь юном возрасте и уже так задолжать... Что ты вообще знаешь о своей бабушке? – Волк двинулся на меня, я попятилась к двери. – С тобой были не до конца откровенны. Ты просто так отсюда не выберешься. Никто не выберется. Дойдешь до врат, они потребуют плату – уходить будет нечему. Они заберут часть тебя, безвозвратно. Это Ревт, детка.

– Где бабушка? – упрямо повторила я.

– Её нельзя выпускать. Если она уйдет – у нас будут большие неприятности. Давай решим всё по-хорошему. Ты явно не из тех, кто хочет жить с ложью, которую рассказали родители. Оставь корзинку и уходи.

– Ни за что.

– Повтори ещё раз, – не впечатлился волк. – Убедительнее!

– Мне казалось, ты настроен дружелюбно. Может, мир?

– Мир ценой крови, – оскалился он. – Той, что в корзинке.

– Там кровь?...

– А ты, думала, что? Горшочек с маслом? Кровь – это жизнь. Кровь – это дань. Ключ, выход, цена. Ты пришла выпустить то, что еле сплывили сюда много лет назад.

Я невольно задумалась. Что я знаю о бабушке? Старые снимки и сдержанные рассказы мамы, без подробностей. Хотя, любые мамины рассказы их лишены...

– Да, ты прав. – Я улыбнулась волку, аккуратно приоткрыв дверь ногой. – Мир только ценой крови. Твоей.

– Как скажешь.

Он прищурился и замер, явно готовясь к прыжку. Не мешкая, я выскочила наружу. Дверь захлопнулась, хлипкое дерево затрещало от звука впившихся в него когтей.

Время. Нужно немного времени.

Я решительно юркнула под дом. Затаилась, не выпуская корзинки, среди поросших мхом свай и глубоко вдохнула. Волк выбежал следом. Сквозь щели была видно лишь его поджарое брюхо. Пролезть за мной он не мог, да и не собирався этого делать. Стал скрести и толкать трухлявые доски над моей головой, одна хрустнула, в щель полетели щепки. Явно приближалась буря.

Я отставила корзинку подальше, скинула плащ и приготовилась. Ломящая боль пронзила спину, прокатилась по телу волной дрожи. Сердце застучало в два раза быстрее. Всё во мне дрогнуло, сжалось и будто вывернулось наизнанку. Запахи расцвели сильнее и глубже, ярче и отчётливее, заполнив пространство целиком. Злость нарастала, став в настоящей и почти осязаемой – плотной, мстительной, голодной.

Доска надо мной жалобно скрипнула и треснула пополам. Не теряя ни секунды, я оттолкнулась от земли. Выпрыгнула

из ненадёжного укрытия и мягко приземлилась на подушечки лап. Волк посмотрел на меня так, словно увидел трёх поросят с дробовиками.

– Мне следовало догадаться, – прорычал он.

– Следовало, – подтвердила я, отряхнувшись.

Щепки запутались в шерсти и неприятно щекотали кожу. Волк раззявил огромную пасть, бросился на меня. Я отпрыгнула и едва не угодила в яму. Откатилась в сторону, прижалась к траве. Тут же почувствовала боль в боку – резкую, жгучую. В нос ударил приторный металлический запах, шерсть намокла. Я дёрнулась, освободилась от волчьих цепких объятий. Изловчилась и вцепилась волку в горло. Он взвыл и упал на спину, яростно отталкивая меня лапами. Бок заныл, я поневоле ослабила хватку и снова оказалась на траве. В глазах предательски потемнело.

Рядом что-то просвистело, прямо над самым ухом. П слышалось шипение и короткий, сдавленный рык. Я с трудом поднялась с травы и осмотрелась. Суровый мужик, похожий на Терминатора, тряс волка, как жалкую шкурку. Разорванную пополам и окровавленную...

– Кто ты? – осторожно спросила я.

– Дровосек, – отозвался тот, весьма самодовольно.

Я огляделась. Вокруг по-прежнему была лишь трава, истыканная зияющими дырами.

– А деревья где?

– Я очень старательный дровосек, – громко заржал он. Об-

лизнулся и впился острыми зубами в трепыхающуюся в его руках тушу.

– Что ж, удачи.

Я развернулась и направилась прочь.

– Обычно в таких ситуациях говорят «спасибо», – укоризненно прочавкал дровосек.

– В таких ситуациях говорят «приятного аппетита», – возразила я и укрылась под домом.

Пришлось ещё разок собраться с силами и погрузиться в безжалостный омут превращения.

Я закуталась в плащ, взяла корзинку. Дурацкий ободок оставила валяться в грязи, всё равно он мне не нравился. Вернусь домой, выкину из гардероба красные вещи, любые. Соберу горкой и сожгу. Обязательно. Вот только разберусь с бабушкой.

Наружу я выбралась, стараясь не обращать внимания на кровоточащий бок. В доме больше не чувствовалось чужого хищника. Поставив корзинку на тумбочку, я без колебаний сдёрнула крышку и извлекла прозрачный флакон причудливой формы. Внутри круглой и плоской бутылочки пенилась мутно-красная жидкость. Я выдернула пробку – жидкость пахла мёдом, сгущёнкой и шербетом. Если это кровь, то она принадлежит странному существу.

– Ты чуть всё не испортила, – настиг меня голос.

Занавеска отлетела в сторону и в прихожую вышла девушка с ослепительно белыми длинными волосами. Одетая она

была в пальто... и всё.

– Ты была здесь? – удивилась я. – Могла бы помочь.

– Я знала, что моя внучка справится, – бесцветно ответила она. – Он всего лишь Хранитель леса. Очередной... Сколько их было. Впрочем, суть не в том. Полагаю, это моё?

Бабушка кивнула на плоский флакон и протянула руку. Но вместо того, чтобы его отдать, я отступила к двери и спросила:

– Какой ещё Хранитель?

Она подошла ближе, вглядываясь в меня поразительно хладнокровным взглядом. От неё веяло приторной сладостью, безмолвной и неживой. Почти так же, как от мамы, только гораздо выразительнее.

– Кто ты? – не выдержала я. – Кто вы все?

– Как кто? – ответила она, не моргнув. – Твоя семья. Просто щеночку не повезло – в отца уродилась. Дурная кровь. Но мы решили тебя оставить, вдруг пригодишься. Как видишь, не ошиблись.

Я лишь ухмыльнулась. Потому что поняла, кто они. А главное: они не способны любить. Не могут, не умеют. Ни бабушка, ни мама. Дело не во мне, а в них. Им не дано понять. Они кормятся чужим теплом, ведь в них самих – пустота. Та же пустота, что и в этом тусклом местечке. Ревт... в посёлке с таким названием самое место всяким тварям.

– Вы не моя семья, – твёрдо сказала я. – А тебе лучше остаться тут.

Бутылочка звонко разбилась о стену, окрасив потрёпанную обивку бурыми брызгами. Пол заблестел россыпью мелких осколков. Бабушкино лицо исказилось, стало серым. Она бросилась к стене и впилась в неё ногтями.

– Дрянь, – совсем нечеловеческим голосом прошипела бабушка, сдирая обивку когтями. – Сплошные инстинкты, ноль мозгов.

– Счастливо оставаться, – искренне пожелала я, хлопнув напоследок тем, что осталось от двери.

Дровосек сидел на траве, дожёвывая последний кусок Хранителя леса. Вид у мужика был довольный – глаза сыто блестели, по подбородку стекали остатки банкета.

– Где выход? – поинтересовалась я.

– Врата? – Он указал грязным пальцем за домик. – Там.

Я поковыляла к цели. Дровосек настиг меня в три шага.

– Неужто не наелся? – поинтересовалась я.

Бок ныл, плащ пропитался кровью и лип к коже. Я ужасно устала и не смотрела куда ступаю – пожалуй, провалиться в пустоту было бы не так уж плохо.

– Я тебя провожу... – нахмурился он и, похоже, обиделся.

Врата, и правда, оказались недалеко от дома. Соединяли землю и свёрнутое в рулон небо, закрывая пустоту завесой из пульсирующих сгустков. Они переливались и играли, как безобидные пылинки в лучах солнца. Кружили в безумном танце, тянулись ко мне. Приглашали войти.

– Часть тебя останется здесь, – напомнил дровосек.

Точно. Дань. Её платят все.

Я попыталась успокоиться. Шумно выдохнула. Пошла вперёд и увидела...

– Извини, ты пень? – прямо спросила я.

– Я камень, ага, – ответил «пень». – Между прочим, минерал, очень полезный и волшебный.

– А так и не скажешь, – просипела я. – Отчего же ты такой серый?

– Бери выше, – треснувшим голосом ответил камень. – Не такой, а такая! Что думаю, то и говорю, а по четвергам приношу несчастье.

– Ну да, – заметила я. – Всё время на открытом воздухе: дождь, снег, птицы. Реальное несчастье. Тут посереешь.

Дровосек за моей спиной хихикнул.

– Я стерегу знак, – сообщила камень обиженно. – Угадай какой, и иди.

– Нечего и гадать, мягкий, – сказала я, и потеряла опору под ногами.

Внизу разверзлась пустота: свистящая и холодная, одно бесконечное ничто. Мир содрогнулся, я ощутила горький запах безнадёжности. И поняла, что вишу над зияющей дырой, а мой заботливый спутник держит меня за капюшон, будто нашкодившего щенка.

– Смотри, куда идёшь, – с укором произнёс он.

– Спасибо, – на этот раз расщедрилась я.

Он улыбнулся мне и неожиданно притянул к себе. Его

объятия застали меня врасплох, но оказались очень ласковыми, как и последовавший за ними поцелуй. Нежное касание губ с солёным привкусом крови. Неповторимым ароматом только что отнятой жизни. Я почувствовала приступ дикого, неконтролируемого голода, знакомый и ненавистный.

– Ты можешь остаться, – тихо сказал дровосек. – Возможно, тебе даже следует...

– Не хочу. – Я мотнула головой и уверенно отстранилась от него. – Кто знает, вдруг мне повезёт?

И я шагнула навстречу вратам. Сгустки расступились, темнота схлопнулась. Всё исчезло.

Я обошла кондитерский киоск и отправилась на площадь. Пустую. Не совсем, конечно. Были люди, пыль, шум, но не было... их. Запахи словно выветрились – стали тонкими и тусклыми. Впервые в жизни я вздохнула свободно.

Надо же! Мне действительно повезло. И больше, чем я могла рассчитывать...

Для неё

Я слежу за ней давно. И я единственная, кто её видит.

Она сидит у окна и молчит. Створки открыты, ветер легонько колышет шторы и играет её волосами – длинными, тёмными. Такими же запутанными, как мои мысли. Я прячусь за барной стойкой и смотрю на неё сквозь перевернутые бокалы. Между нами – половина зала, четыре занятых столика, усталая официантка и кадка с фикусом. Сверкают хрустальные подвески на люстре, свет льётся мне на макушку и стекает на блестящий паркет. Мир ускоряется, кружится, скачет. Лица, улыбки, чашки на подносах, пустые стулья, меню с пёстрыми картинками, прозрачные бокалы... Всё сваливается в безобразную кучу. И я вижу лишь её – девушку у окна. Остальное теряется, перестаёт быть важным. Жаль, что не исчезает. Тогда мы бы оказались вдвоём – она и я... Я и она. Лера...

Мне нравится, как звучит её имя, особенно первый слог. Хочется поймать этот звук, запереть у себя в мозгу и запустить по кругу, чтобы слушать бесконечно. Леру редко можно увидеть причесанной, обычно на её голове истинный творческий беспорядок. Волосы распущены и свободно спадают на спину, едва касаясь талии. Она часто их гладит – медленно, вдумчиво, перебирая прядь за прядью. Пожалуй, её волосы нравятся мне больше всего. Ещё Лера любит от-

крытые окна, и всегда распахивает створки, будто ей не хватает свежего воздуха.

Она умерла в первый же месяц, когда меня определили сюда, в Центр красоты и здоровья «Илирия», райский уголок для богатых дамочек, млеющих от клубных карточек с надписью «вип». Мама вцепилась в своего брата Виталика мёртвой хваткой, у бедняги просто не было выбора. Знаю, он не хотел брать меня на работу, и до сих пор мечтает избавиться. Но у него нет шансов, с обязанностями помощника администратора я справляюсь отлично. За год ни одной жалобы от клиентов. Мама верит, что жизнь налаживается. Только при этом следит за мной, постоянно названивает моему врачу и прячет острые предметы. В квартире не найдется даже ножниц, а ножи надёжно заперты в ящике на кухне. Это глупо, на работе я могу взять что угодно, в том же маникюрном кабинете достаточно забавных вещей.

Лера была тут задолго до меня – почётный клиент, фото-модель, практически знаменитость. Мы были ровесницами, но она в свои двадцать два года успела многого добиться. В «Илирии» к ней относились трепетно. Пылинки сдували. Она тратила уйму денег, не требовала невозможного и совсем не вредничала. После йоги заходила в наш бар, садилась за столик у окна и всматривалась вдаль. Прямо как сейчас.

Наше незримое единение разрушается самым варварским образом – у меня в кармане звонит телефон. Картинка перед

глазами рассыпается, столики оказываются на своих местах, а бокалы – передо мной. Я тянусь за трубкой и принимаю вызов, не глядя. Кроме мамы звонить некому.

– Почему ты ещё не дома? – спрашивает она.

– Много работы, – вру я.

Мама пытается разузнать подробнее, сыплет вопросы привычным монотонным голосом. Хочется запустить телефон в стену и растоптать каждый из сотни кусочков, на которые он разобьётся.

– Скоро буду, – прерываю я этот навязчивый допрос.

– Я волнуюсь.

– Повторяю, всё в порядке! – Я зажмуриваюсь и сжимаю свободную руку в кулак. Ногти впиваются в ладонь. Сразу становится легче.

– Детка, возвращайся скорее, – крушит меня мамин голос.

– Перезвони через пять минут, – вспоминаю я спасительную фразу. Нажимаю на красную кнопку и открываю глаза.

Леры нигде не видно, окно закрыто, шторы задёрнуты. Почему она ушла? Слишком быстро... непривычно быстро... Голова пухнет, стены отдаляются. Девицы за ближним столиком громко визжат, потом смеются, будто квохчут. Их ярко-накрашенные губы кривятся и растягиваются. Омерзительное зрелище. Они совсем не такие, как Лера. Совсем не такие, как я. Мы с ней – принцессы, а принцессы мало говорят, много улыбаются и часто моргают. А ещё всё делают красиво, даже плачут.

Я отворачиваюсь от гадких девиц и прячу телефон в карман. Ко мне приближается Виталик – большой и важный, со стопкой буклетов в толстых руках.

– Ты ещё здесь? – удивляется он. – Отлично, разложи вот это на стенде в приёмной.

Виталик кидает стопку мне. Едва успеваю её поймать. Она тяжелая и тянет вниз. В приёмной оказывается пусто, светло и чисто. Стоит подойти к стенду, как снова звонит мама. Принимать вызов не хочется. Я знаю, что она никогда, никогда не будет разговаривать со мной нормально, сколько бы времени не прошло. Успокаиваюсь, вдыхаю глубже. Перекладываю буклеты в одну руку, второй беру телефон и произношу по словам:

– Хватит. Меня. Контролировать.

– Что с тобой? – строго интересуется мама.

– Я вернусь, как освобожусь.

– Ты принимала сегодня свои лекарства?

– Перестань постоянно меня об этом спрашивать!

– Детка, не сердись. Чем ты сейчас занимаешься?

– А ты как думаешь? Режу себя на мелкие кусочки! Крошу в винегрет! Что же ещё?

– Думаю, ты слишком много пережила, – говорит она совершенно беспристрастно. – Давай съездим отдохнуть? Куда-нибудь на море...

– Прекрати со мной так разговаривать! Я не сумасшедшая!

Сбрасываю вызов и пытаюсь устоять на ногах. Тщетно. Кулер в углу булькает, потолок пузырится, рисунок на обоях рябит. Буклеты шлёпаются на пол, комкают тишину в бумажные шарики и заполняют приёмную противным шелестом. В глазах прыгает пятно – огромное, плотное, невнятного грязного оттенка. Телефон ревёт, пожирая пространство истошными воплями. Я с силой вжимаю красную кнопку и держу до тех пор, пока телефон не гаснет, а палец не начинает ныть. Цветастые пятна перестают мельтешить, и я чётко вижу перед собой страницы с красивыми картинками. Рекламные лозунги усеяны прозрачными каплями, маленькими и выпуклыми. Я смотрю на них и понимаю, что сижу на коленях и плачу. Глянцевая бумага – это хорошо. На ней ничего не расплывается, ни слёзы, ни вода, ни кровь...

Сзади цокают каблуки, уверенно и знакомо. Я оборачиваюсь и вздрагиваю. Неужели...

Так и есть – она. Будто живая. Почти настоящая. Рядом со мной. Близко, предельно близко. Можно протянуть руку и дотронуться...

– Ты в порядке? – спрашивает Лера, и этот ненавистный вопрос вдруг становится самым прекрасным на свете.

Я лишь моргаю. Раньше она со мной не говорила, никогда, даже до смерти. Хочется ответить, но слова застревают в горле. Существует поверье, что с призраками разговаривать нельзя. Не помню, почему, зато помню – нельзя, и точка. Хотя стоять спиной вроде тоже опасно.

– Соня, ответь, – настаивает Лера.

Откуда ей известно моё имя? Да мало ли откуда. В конце концов, не зря я её вижу. Только я, и больше никто.

– Не плачь, мы быстренько всё приберём. Ты меня не помнишь? Я часто тут у вас бываю, меня зовут Лера.

«Ле-ра...» – эхом раздаётся в голове. Она нагибается и сгребает буклеты в кучу. Её волосы касаются пола, пальцы расправляют непослушные страницы. Пока мы распахиваем буклеты по кармашкам стенда, я не свожу с неё глаз. Хочется остановить время, натянуть до предела, как детскую прыгательную резинку, и держать, наслаждаясь каждым миготом. Но секунды тикают, резинка лопаается и больно щёлкает по носу.

– У тебя что-то случилось? – интересуется Лера, когда последний буклет оказывается за стеклом. – Плохой день?

– Это лучший день в моей жизни, – серьёзно отвечаю я.

Она смотрит на меня – долго и очень внимательно, словно пытается что-то разглядеть. Интересно, Лера знает, что мертва? Неудобно её о таком спрашивать...

– Особенности планы на вечер? – высказывает она неверную догадку.

– Нет, – мотаю я головой. Мысли встряхиваются, смешиваются. – Никаких планов.

За спиной слышатся шаги. Только не сейчас... только не Виталик...

Оборачиваюсь. Выдыхаю. Это всего лишь Юля – наша секретарша.

– Чего ты тут возишься так долго? – строго спрашивает она.

– Извини, – пожимаю я плечами. – Мне мама звонила.

– Мама... – фыркает Юля. – Ты не обязана её слушать. Разве ты не чувствуешь, какой свободной можешь быть? Давно пора определиться. Мечешься туда-сюда. Раздражает!

Стерва. Внутри всё закипает, нервы оголяются. Лера протягивает мне руку.

– Пойдём, – шепчет она. – Пожалуйста, пойдём со мной.

Я с готовностью хватаюсь за её ладонь. Прикосновение обжигает, сотни натянутых до предела струн лопаются – звонко и надрывно. Двери раскрываются, ночной ветер бьёт в лицо. Время ускоряется, бежит вперёд. На улице темно и прохладно, но я шагаю, наслаждаясь сбывшейся мечтой. Дома мелькают, сияние вывесок сливается в длинную светлую полосу. Все кажется ненастоящим, мелким, почти картонным.

– Куда мы направляемся? – решаюсь я подать голос.

– На вечеринку одну пафосную, – поясняет Лера, крепче сжимая мою ладонь. – Составишь мне компанию? Если не хочешь, отвезу тебя домой.

– Хочу! Но я... не одета для вечеринок.

– Не беда. Заедем ко мне, самой нужно собраться. Заодно тебе что-нибудь подберём.

Я киваю и замолкаю. Лера ведёт меня вперёд, я множу мгновения, стараясь поймать и запомнить каждое. Остаток пути мы идём в тишине. Я и она... Она и я...

В квартиру Леры мы проникаем, вытащив ключ из-под коврика. Я чувствую себя взломщицей. Тут красиво. Два этажа, окна чуть ли не во всю стену и восемь комнат – огромных, безлюдных, роскошно обставленных. Лера провожает меня в гардеробную, подводит к гигантскому шкафу. Из него выглядывают сотни разноцветных тряпочек, в дверь встроено зеркало в человеческий рост.

– Тебе пойдёт красное, – заявляет она и показывает на вешалку с платьем.

Ткань гладкая и нежная, я запутываюсь в ней, но Лера приходит на помощь. Молния застегивается на моей спине и в зеркале отражается кто-то другой, совсем не я.

– Ну, говорила же! – подмигивает Лера и удаляется.

Пока я рассматриваю своё отражение – своё ли? – она возвращается, вся растрёпанная и очень соблазнительная. На ней даже не платье, а символический кусочек чёрной материи, опоясанный кружевной лентой. Лера сверлит меня взглядом, хмурится и стягивает резинку с моих волос. Они рассыпаются по плечам, Лера улыбается.

– Так лучше, – убеждённо произносит она, и время опять убегает. Минуты безжалостно тикают. Я тону в круговороте из обрывочных фраз и ярких, как вспышки, эпизодов.

Громкая музыка, толпа людей, брызги шампанского. Приглушённый смех, помада на бокалах, гул коридора. Винтовая лестница, её ладони на перилах. Сотни эмоций и никакого страха, лишь невообразимая лёгкость. Никому нет до

меня дела. Мысли выстраиваются паровозиком, круг замыкается. Наверху – ни души, и музыка гремит тише. В маленькой комнате жарко и темно, жёсткая спинка дивана давит на плечи, но Лера рядом, и остальное неважно.

– Тебе здесь нравится? – спрашивает она, нависнув надо мной.

– Не-а, – всхлипываю я, но на всякий случай добавляю: – Духота ужасная.

– Главное в обморок не грохнутьяся.

– Принцессы падают в обморок постоянно, – докладываю я. – С непринуждённой грацией.

– Да уж, – мрачно отвечает Лера. – Не хотела бы я быть принцессой.

– Почему?

– Потому что сплошное расстройство. Ждёшь принца, а к тебе вламывается какой-нибудь водопроводчик, обожравшийся грибов.

– Кто-кто вламывается? – переспрашиваю я в замешательстве.

Она усмехается и начинает таять – как размытое изображение на бумаге.

– Не уходи! – Я хватаю Леру за руку, поражаясь собственной наглости. Она покорно садится со мной и извиняется. Эти слова звучат странно и совершенно дико. Хочется заткнуть уши и петь во весь голос, только бы не слышать неуместные нотки вины в её волшебном голосе. Неужели Ле-

ра думает, что я злюсь? Она – единственное, что придает смысл моей жизни. Если я её вижу, значит, это некий знак. Значит, я всё-таки особенная. Не зря никто в целом мире меня не понимает. Все кажутся чужими.

Я улыбаюсь и утыкаюсь носом в её плечо. Лера гладит мои волосы, точно так же, как обычно гладит свои – перебирает пряди, пропускает их между пальцев. Будто я – вовсе не я, а отрезанная часть Леры, её тень, двойник, потерянная половинка. Я замираю, стараюсь дышать ровно. Но в ней столько уверенности, столько спокойствия... И я не выдерживаю. Целую Леру в шею и обнимаю – твёрдо, решительно. Она отстраняется, зябко ёжится, будто в этой парилке можно замёрзнуть. Вся её выдержка куда-то испаряется, сменяется замешательством и удивлением в глазах. Комната кружится, музыка отскакивает от стен и роняет звуки на ковёр. Пауза затягивается, молчание царапает слух.

Лера первой отводит взгляд и подаётся мне навстречу – плавным, нестерпимо медленным, почти робким движением. Её кожа влажная и пахнет яблоками. Всё сплетается: шёпот, пальцы, волосы, дыхание. Прикосновения и поцелуи становятся смелее, бесстыднее, захватывают личное пространство, нарушают границы. Изгиб шеи, обнажённые плечи, спина, тонкая ткань скользит вверх. Хорошо, что платье такое маленькое... оно лишнее. Наш личный танец, наполненный её изяществом и моей одержимостью. Кровь разгоняется по венам, сердце бьётся в горле. Шумные вздохи

заглушают музыку. Мысли и сомнения уходят, остаётся жар, дрожь и сбившийся пульс. Лера шепчет что-то беззвучное, ласковое, неразборчивое. Мгновения вспыхивают, преграды и пределы рушатся. Наслаждением сносит всё. Мы наконец-то оказываемся вдвоём, я и она. Она и я...

По телу разливается приятная слабость, плещется через края. Время перестаёт играть со мной, успокаивается. Его обычный темп – чёткий, размеренный, кажется странным. Вот только Леры рядом уже нет. Часы показывают восемь утра – через час мне нужно быть на работе. Едва сдерживая слёзы, я поднимаюсь с дивана и выбегаю из здания, прямо на пустую улицу. Дома шелестят, их края загибаются, как альбомные листы с неумелым чертежом. Линии текут, капают на асфальт размашистыми кляксами. Ноги вязнут в густых чернилах, идти становится невыносимо трудно.

В «Илирии» всё предсказуемо. Яркие лампочки, пыль в столбике утреннего света. Коридор давит стеллажами. Осуждающий взгляд Виталика прожигает меня насквозь. По его злым глазам и кривой ухмылке ясно, что он недоволен.

– Это не ваше дело, чем я занимаюсь, – говорю я с порога. – Не надо так смотреть.

– Думаю, тебе стоит уйти, – объявляет Виталик. Слишком решительно, никаких примирительных интонаций.

– И уйду, – с лёгкостью соглашаюсь я. – Вы мне не нужны. Сзади появляется Юля. Прячет руки в карманы и шипит:
– С тобой с самого начала были одни проблемы.

– Знаешь, что будет дальше? – Виталик шагает ко мне, я вжимаюсь в стену. – Мать упечёт тебя обратно в психушку. Навеки.

– Не упечёт. Я сама могу о себе позаботиться.

– Соня... – невнятно бормочет Юля. – Заканчивай придуриваться.

В горле разрастается ком, горький и колючий. Перед глазами плывут мутные блики. Сквозь них я вижу длинный облезлый коридор, усеянный щепками.

– Я не сумасшедшая, – повторяю я, как во сне, и щипаю себя за руку. Кожу жжет, неприятное покалывание миглом приводит в чувство. – Если больно, значит, всё по-настоящему.

– Опаньки, – хмыкает Юля и кивает Виталику. – А я знала, знала, что этим кончится. Психопатка хренова.

– Опять за старое, – сокрушается он. – Дело дрянь, с ней уже такое было. С катушек слетала, твердила, что только боль реальна, остальное обман и чушь. Лечили, да не долечили. И я, кретин последний, пошёл у сестры на поводу. Девочке надо социализироваться, для окружающих она не опасна, лечение прошло успешно... Как же!

В глазах темнеет. Я разворачиваюсь и бегу, но почему-то не к выходу, а на лестницу. Оборачиваюсь. Две фигуры отдаляются, сливаются, до меня доносятся их голоса – сердитые, взволнованные. Ком опускается в желудок, кусает и скребётся. Почему не могло остаться, как вчера? Чтобы только я и она. Она и я...

Лестница расплывается, рябит, покрывается чёрными пятнами. Я с трудом добираюсь до бара на втором этаже. Народа полно, но Леры у окна нет. Мир вращается и пытается улизнуть, но я крепко его держу. Сейчас не время. Надо продержаться, а потом пусть хоть рухнет мне на голову. Я представляю, как Лера открывает окно. Садится за столик напротив и начинает гладить свои волосы. Они слегка влажные, наверное, после душа, и завиваются на кончиках. Я смотрю на окно сквозь стакан и жду. Всё снова пропадает, растворяется, убегает. Сердце гремит в каждой вене, на смену решительности приходит что-то другое. Оно тянется ко мне своими скользкими лапками, переполняет изнутри, подчиняет целиком. Это неправильно... Принцессы вовсе не такие. Они милые, добрые и честные. Их все любят, потому что они прекрасно воспитаны. А меня никто не любит. Разве что Лера. И мне нужно её найти.

В ушах звенит – громко и противно. Столики в зале плавают, растекаются гадкими лужами. На душе становится тихо и спокойно. Кажется, что какой-то странный транс близится к завершению, и становится легче дышать.

Я встаю и бегу прочь. Отмахиваюсь от липкой пластмассовой паутины, сбрасываю её в пропасть. Тело ломит, ощущения тягостные и непривычные. Меня знобит, ноги слушаются неохотно. Пол ледяной, а я почему-то босиком. Сзади смыкается темнота, гонится за мной, преследует. Дверь, коридор, лестница, снова коридор. На пути – кухня, чере-

да тумбочек и столов, кипящие сковородки, куски хлеба на истерзанных досках. Обстановка серая, схематичная, будто фигурки в тетрисе. В углу возвышается подставка с ножами, похожая на огромный замок. Уняв дрожь, я подхожу ближе, обхватываю рукоять пальцами и тащу на себя. Она холодная и такая знакомая. Масло на сковороде шипит, повар косится на меня первым и гневно что-то кричит. Чужие взгляды липнут ко мне, трутся о ноги, как назойливые котята. Я шагаю назад, поворачиваюсь и натываюсь на дверь кладовой. Поворот ручки, щелчок, скрежет щеколды и я уже по ту сторону, далеко от всех.

Меня словно рвёт на части, реальность теряется, смазывается. Я сажусь на кафель, крепко сжимая нож. Рука уже не дрожит. Глубоко вдыхаю, провожу лезвием от локтя к запястью. Кожу обжигает, тонкая полоса вздувается и наливается кровью. Нажимаю чуть сильнее, и красные капли ударяются об пол. Ещё раз – и становится легче, почти хорошо. Совсем не так страшно, как было. Тоненькая струйка крови, извинаясь, ползёт к порогу. Кто-то долбит в дверь, но я не отзываюсь. К нему присоединяются другие, более настойчивые. Слышны сердитые причитания и взволнованное верещание. После всё смолкает. Я жду. Минуту, две, три. И вот, наконец, раздаётся стук – мягкий, уверенный, а за ним чудесный голос:

– Можно, я войду?

Щёлкает замком, ручка поворачивается. Входит Лера,

прикрывает за собой дверь. Лишь сейчас я замечаю, в каком беспорядке кладовка. Коробки, банки, стопки полотенец, кровавые разводы на кафеле. Полумрак скрывает истинное положение вещей, но и без того к горлу подкатывает тошнота. Я сижу в углу, сжимая лезвие в ладони. Красные струйки сочатся между пальцев и стекают на пол.

– Мне идёт красное, это мой цвет, – задумчиво говорю я и давлю на нож сильнее.

– Отдай мне это, – просит Лера, без особой надежды. – Пожалуйста. Принцессы себя так не ведут.

Я протягиваю его сразу – аккуратно, как и держала, рукоятку вперёд. Наши действия практически синхронны: Лера берёт, я отпускаю. Она тут же выталкивает нож за порог и сообщает:

– Твоя мама скоро приедет.

– Откуда ты знаешь? – равнодушно спрашиваю я. – Ты же умерла.

– Соня, – вздыхает она. – Как я умерла? Из-за чего?

Я пытаюсь вспомнить, но не могу. Странно, ведь мне казалось, что я всегда знала. В мыслях мелькает: «известная модель Валерия Савицкая...». А дальше – пусто.

– Забыла, – признаюсь я.

– Вспоминай. – Она открывает сумку. Достает из внутреннего кармана свернутую газету, бросает мне. Я ловлю её на лету и всматриваюсь в заголовок на главной странице. «Взрыв в клубе „Илирия“ унёс жизни больше ста человек».

Дата вчерашняя, но год прошлый.

– Глупость, – возражаю я. – Получается, все умерли?

– Не все. Кое-кому повезло, во дворе были. Однако им тоже досталось.

Я бегло просматриваю строчки. «Утечка газа», «пожар», «объявлен траур», «известная модель Валерия Савицкая – одна из двух выживших». Вздрагиваю и отдаю ей газету – быстрым, немного нервным движением.

– Мне душно было в тот день, – продолжает Лера, – ужасно душно. Я вышла во двор, подышать. Ты следом просочилась, я и не заметила. Встали с удачной стороны, это нас и спасло. Правда, в больнице пришлось долго валяться, а ты так в сознание и не пришла. Мать пыталась до тебя достучаться. Тщетно...

– А Виталик, Юля и другие?

Она отрицательно качает головой:

– Больше никого не спасли. Только нас.

– Но я видела, – удивляюсь я. – Весь год с ними работала, и клуб был цел.

– От клуба развалины остались, их до сих пор делят. По факту, уже год стоят, прохожих пугают. Я приходила туда... Не знаю зачем. Дико было, что столько человек погибло, а мне дали второй шанс. За что? Потом я увидела там тебя, точнее... Не совсем тебя.

«Давно пора определиться», – всплывают в памяти Юлины слова. Ну конечно. Я зажмуриваюсь и представляю тот

вечер. В баре многолюдно: посетители шумят, официантки носятся туда-сюда, кубики льда постукивают в бокалах. Окно кто-то успел закрыть. Я заглядываю в него и вижу внизу Леру – она стоит, прислонившись к дереву. Кажется, ей дурно, и она вот-вот хлопнется в обморок. И я спешу во двор, чтобы спросить, чем помочь. Даже добегаю. А потом раздаётся звон – дикий, свистящий. Уши разом закладывает, земля становится ближе. Всё меркнет.

– Я боялась к тебе подойти сначала, – кается Лера. – А вчера, в годовщину, собралась духом и...

– Где я? – вырывается первый логичный вопрос.

– В больнице. С утра тут жду. Я была уверена, что теперь ты вернешься. Но ты так резко вскочила, умчалась на кухню, никто среагировать не успел.

– За пациентами следить надо, – с укором бросаю я, сама не знаю кому. Меня подташнивает, рана печёт и зудит.

– Обошлось, я уговорила их пустить меня к тебе, а не дверь ломать. Боялись твоей реакции, плюс, у меня дар убеждать. В конце концов, я главный спонсор клиники.

– Я обещала маме, что это больше не повторится, – шепчу я и пытаюсь стереть кровь с руки. Бесполезно, да и бурые пятна на больничной сорочке слишком заметны. Лера снимает с себя пиджак, накидывает мне на плечи, и ласково говорит:

– Это меньшее, на что она обратит внимание. Поверь. Идём отсюда.

Она берёт меня за руку и выводит в коридор. Он длинный, белый, и полон людей. В их глазах – тревога, любопытство и раздражение. К счастью, все быстро теряют ко мне интерес и расходятся. Лера говорит какой-то женщине в халате, что приведёт меня через пару минут. Затем подводит меня к окну, раздвигает занавески и распахивает створки. Ветер врывается в коридор, свежий воздух приводит в чувство. Тошнота отступает. Лера смотрит на меня странно, со смесью жалости и облегчения. Думаю, она больше не чувствует вину за своё везение. Я глажу её волосы и дышу – глубоко, часто, до головокружения. Мир выглядит настоящим, объёмным. Звуки и запахи оживают, прикосновения щекочут кожу, и их достаточно, чтобы понять – я очнулась. Здесь не только я и она, зато она со мной. Значит, выбор очевиден. Я остаюсь.

Минуты проходят быстро. Лера уходит, обыденность набирает обороты. Я тону в череде событий: мамины объятия, капельницы, бесконечные анализы и разговоры с врачами, от которых хочется сбежать. Напустить тумана, спрятаться, забыться. Но всё вокруг яркое и отчётливое, как следы на застывшем бетоне. От мамы я узнаю, что Лера уехала работать во Францию. Она не звонит и отклоняет вызовы, а я жду, жду и открываю окна, надеясь призвать её хотя бы так. Увы... Жизнь течёт размеренно, неторопливо, и вскоре я оказываюсь дома. Захожу на Лерин сайт по двадцать раз на дню, подписываюсь на новости и снова жду. Время не хочет ускоряться, честно отщёлкивает секунды, складывает их в бесконеч-

но долгие часы. Я тороплю его, но оно не слушается. И вот однажды приходит вожаделенная новость – Лера вернулась.

Два дня на телефоне, и наконец-то она берёт трубку.

– Привет! – Её удивительный голос вырывается из аппарата, плещется в воздухе. – Как ты?

– Меня выписали.

– Рада за тебя.

– Ты приедешь? – украдкой интересуюсь я.

– Да. Навещу вас с мамой. Возможно, скоро.

– А когда именно?

– Как освобожусь, так сразу.

– Я скучаю...

В трубке повисает неловкая пауза. Молчание затягивается, становится колким, тягучим, напряжённым.

– Соня... – смущённо говорит Лера, и этот тон мне совершенно не нравится. – Вряд ли я могу сделать для тебя... ещё что-нибудь.

Я пытаюсь ответить, но все слова забываются, стираются из памяти, на смену им приходит смятение и щемящая боль. Из телефона льются гудки – резкие, писклявые. Голова пухнет, обида душит и въедается в мысли.

Это легко, если ни о чем не думать. Три шага, немного смелости. Я запираюсь в комнате, открываю шкафчик. Внутри – куча дурацкой косметики, но я быстро нахожу заветную баночку, привет из далёкого прошлого. Две ложки на стакан воды, и готово. Забавно... Мама до сих пор фанатично пря-

чет от меня всё, что представляет опасность, и понятия не имеет, какая дрянь хранится у нас в шкафу.

Комната вращается, стены отдаляются. Дверь манит, блестит ручкой, заигрывает. Я подхожу к ней, замираю. Открываю её осторожно, почти с трепетом, и выхожу в залитый светом коридор. Лампочки на потолке мигают, щёлкают вспышки фотоаппаратов. Небо пасмурное, и в надраенных стёклах нет моего отражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.